

А.К. Каиржанов*ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан* <https://orcid.org/0000-0002-5940-7433>**Р.О. Туксайтова***Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина, Астана,
Республика Казахстан***Г.А. Кукенова***Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина,
Астана, Республика Казахстан*

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Аннотация. В статье исследуется процесс длительного и постоянного контакта древнеславянской и тюркской этнической группы людей, который привел к некоторому сдвигу культурной парадигмы обоих контактирующих народов. Однако глубинные ценностные парадигмы культуры у обеих групп этносов сохранялись в течение длительного времени. В сопоставительном аспекте рассмотрены эквивалентные мировоззренческие идеи (мифологемы, обозначающие солярные, лунарные и другие символы) древнейшей поры, с одной стороны, в сравнении с исконными славянскими языческими божествами, с другой стороны, с древнейшими наименованиями мифологических божеств, присущими древним тюркам. В результате применения методов и приемов аккультурации мы выявили исконные ценности культур обоих суперэтнических групп, которые не подверглись существенным изменениям и трансформациям. Некоторые культурные парадигмы в мировоззрении подверглись определенным сдвигам на ментальном уровне. В результате этого процесса произошла ломка функционального единства у обоих контактирующихся этносов, затем в течение определенного времени установился новый баланс, который отразился, прежде всего, в мировоззрении обоих этносов. Произошло эквивалентное семантическое сходство в некоторых солярных и лунарных языческих божествах в сравниваемых культурах. Мы определили, что некоторые рефлексы и рудименты былых отношений сохранились в обычаях и поверьях культур.

Ключевые слова: аккультурация, славянский и тюркский суперэтносы, двоеверие, троеверие, солярные символы, лунарные символы.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 31.06.2023

Дата принятия к публикации: 22.08.2023

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что мы подвергаем исследованию мифологемы, обозначающие солярные, лунарные и другие символы древних

тюрков и славян. Для исследования используем метод аккультурации, который понимается так: при длительном и постоянном контакте одной этнической группы индивидов с другой происходит процесс, изменяющий культурные парадигмы обеих групп. Именно это явление Франц Боас и Маргарет Мид назвали аккультурацией (Боас, 1926; 1997; Мид, 1988). Затем исследование процессов аккультурации продолжили в начале XX века американские культурные антропологи М. Херсковиц и другие (Herskovits, 1967). В начале XXI века эту методологию применил Дж. Берри в проекте MIRIPS (Multicultural Ideology in Plural Societies) (Berry, 1992; 1997). Дж. Берри сумел выделить разные переменные, характеризующие аккультурацию. Переменные были разделены на три этапа взаимодействия культур: 1) условия аккультурации, 2) аккультурационные ориентации и 3) результаты аккультурации. Условиями аккультурации являются базовые установки, то есть определяются основные характеристики принимающего общества. Аккультурационные ориентации – это медленное структурирование процесса аккультурации, с одной стороны, сохранение ключевых аспектов собственной этнической культуры, с другой, медленный процесс усвоения и принятия ключевых аспектов другой этнической культуры. Результатом аккультурации может быть степень успеха процесса аккультурации: успешное усвоение и новых черт другой культуры, что представляет собой зависимой переменной. В течение длительного и постоянного контакта появляется новый тип культуры, проявляющейся в определенной сфере ситуации.

Однако конечным результатом процесса взаимодействия является инкультурация – человек может стать компетентным в культуре: освоить язык, ритуалы, познать ценности чужой культуры, приобрести новые для него поведенческие стереотипы. Инкультурация невозможна без социализации – это два процесса, протекающие одновременно и подвержены синергии, так как без вхождения в чужую культуру человек не сможет адаптироваться как член суперэтнического объединения (Herskovits, 1997). Мы рассматриваем второй этап инкультурации, именно здесь происходят явления инновации. Однако этот процесс может быть и дискретным, это касается отдельных фрагментов во время усвоения элементов другой культуры. Такое усвоение будет успешным, если эти фрагменты случайно совпадут с его собственными представлениями культуры. Иначе говоря, возникает возможность для индивида, в которой те или иные принципы принимаемой культуры либо усваиваются, либо отбрасываются, если они не совпадают с его устоявшимися парадигмами культуры. Мы в нашем исследовании сталкиваемся с такими вопросами, почему, например, оказались эквиполентными по своему содержанию многие обозначения солярных, либо лунарных символов восточных славян и древних тюрков. Можно только предполагать, что развитие отдельной личности в этом процессе взаимодействия достигается при помощи специфичной для обеих культур социализации, включенной параллельно в общую инкультурацию (Berry, 1992). В этом случае можно воспользоваться наработками ученых, которые выдвинули идею о групповой культурной трансмиссии (Мид, 1988), которая вобрала в себя и процессы инкультурации, и процессы социализации. Формируется механизм, с помощью которого одна этническая группа, находясь в состоянии рефлексии в структуре «нового баланса», может передавать усвоенные стереотипы культуры последующим поколениям. В этом случае некоторые концепты, содержащие исследуемые символы, начинают отражаться в письменных памятниках, и их рудиментарные особен-

ности можно обнаружить в фольклорных образцах. Что касается аспектов мировоззрения, то, по-видимому, здесь наблюдается некий вертикальный процесс, когда культурные ценности, верования передавались от одного поколения к другому.

Другая трудность для исследования заключается в том, что мы, пытаясь преодолеть аберрацию дальности событий, осмысливаем то, что две совершенно разные этнические группы людей оказались в одном и том же вмещающем и кормящем ландшафте. И каждый член этих групп начинает устанавливать свою собственную культурную дистанцию. И как же тогда протекает процесс адаптации? По-видимому, в процессе интеграции, когда каждая из взаимодействующих групп, стремясь сохранить свою доминанту культуры, вдруг одновременно оба этноса начинают устанавливать тесные контакты между собой. Вот здесь и начинается процесс усвоения черт чужой культуры (Berry, 1997).

Отталкиваясь от изложенных выше идей, мы выдвигаем цель нашей работы: рассмотреть культурно-исторические связи и взаимоотношения в области древних форм мифологии – эквиполентных сходствах солярных и лунарных символов между восточными славянами и древними тюрками.

Важность и трудность предпринимаемого исследования заключается в том, что мировоззренческие сходства / различия некоторых черт культуры между разными народами древнейшей поры изучались многими учеными попутно. В настоящее время нет современной специальной работы, посвященной исследованию аккумуляционных процессов двоеверия или троеверия восточных славян, и главное, как эти воззрения могли оказывать влияние на своих соседей и как происходил ментальный сдвиг у контактирующих этносов в раннем Средневековье (Толстой, Толстая, 1978; Клёсов, Пензев, 2015; Иордан, 1997; Гаврилов, 2002; Топорков, 1984). Проблемы «двоеверия» изучались известными учеными. Так, «двоеверие» понималось, с одной стороны, как мирное сосуществование христианства и отголосков язычества, с другой, понимали, что существовало наличие противостояния между старой и новой верой. Так, язычество нельзя считать чем-то неразвитым по сравнению с христианской верой, так как и оно удовлетворяло потребности верить и в последующем своем развитии оно почти приблизилось к некоторым чертам монотеизма (Лотман, 1970). Поэтому утверждалось, что возникло такое понятие свойственности в славянской культуре (Успенский, 1984; Левин, 2004). В некоторых трудах предидировалась мысль, что народ, принимая христианство, не отказывался от своих языческих убеждений. Между христианством и язычеством не было вражды, определялось несколько уровней взаимодействия между ними (Obolensky, 1982). Однако сегодня мы не имеем каких-либо специальных трудов о взаимодействии славян с другими языческими тюркскими народами.

Однако, благодаря археологическим разысканиям, мы обнаруживаем, что у древних славян и у древних тюрков были близкие по изображению солярные петроглифы, которые использовались в быту, часто с сакральной целью и служили в качестве оберега или амулета. Солярные символы: «свастика», круг, внутри которого помещен крест, круг, внутри которого несколько кругов, и их петроглифы были обнаружены в Восточном Туркестане (Су бей Хай, 1994, с.159, 177, 183, 289, 329–330, 344). Эти петроглифы передают по форме движение Солнца. Древние славяне называли такую свастику словом «Солнцеворот», что означало движение Солнца. Сегодня эти символы сохранились в орнаментах одежды, наносят их на деревянную

и глиняную посуду и их изображение можно обнаружить в узорах их жилищ. Еще в древнейшую эпоху этот солярный символ был идентичен и у древних славян, и у древних тюрков. Он олицетворял свет и тепло. Кроме того, обозначал Вселенную и был символом животворящего начала всего сущего на земле.

Однако специальных трудов, посвященных идентичным изображениям солярных или лунарных символов, сегодня нет. Мы можем привести в этом плане обзор современного проекта «Взаимодействие тюркских языков и культур в постсоветском Казахстане» (И.А. Невская, К. Шёнинг) на базе Свободного университета г. Берлин и Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева г. Астана. Опираясь на социолингвистические данные, они пытались исследовать результаты аккультурационных явлений, происходившие между тюркскими и славянскими народами во время их длительного контакта и постоянного обитания на одной и той же территории. Были выявлены процессы становления «нового баланса» у этих народов, что отразилось не только в изменении некоторых парадигм в культуре, но также были усвоены новые знания с помощью изучения языка друг друга. Однако ценностные ориентации у них не претерпели никаких изменений (Невская, Тажибаева, 1984, с.19-34).

Таким образом, каждая культура имеет свое самобытное, основанное на определенном историческом развитии «функциональное единство» (Herskovits, 1997). Однако в процессе аккультурации это единство нарушается и только спустя некоторое время устанавливается «новый баланс» культуры. Мы пытаемся исследовать, как происходило становление «нового баланса» у рассматриваемых этносов.

Материал и методы

Для реализации нашей цели мы придерживаемся принципов конкретности и системности, историзма и опоры на исторические нарративные источники (Степанов, 2009; Richards, 1950; Каиржанов, 2018). Нами привлечены методы культурной антропологии, в частности, метод аккультурации. Кроме этого, мы используем методы семантического описания и исторического познания: диахронический анализ нарративных источников, приемы герменевтики и некоторые приемы сравнительно-исторического языкознания.

В основе исследования находится этнографический материал, эксцерпированный из памятников древнерусской и древнетюркской письменности, а также мы привлекаем археологические данные для того, чтобы выявить и описать взаимоотношения этнических групп с целью определения, каким образом совпали некоторые мировоззренческие парадигмы культуры в области солярных и лунарных символов. Именно эта методология позволяет открыть проблемы не только в теории культуры, но и определить, как происходили ментальные сдвиги у контактирующих этносов. В результате мы фиксируем, каким образом устанавливался «новый баланс» у этносов в результате постоянного и длительного сосуществования на одной и той же территории. Аккультурация протекает и в синергетическом процессе, когда конкретные носители одной культуры знакомятся с новыми культурными условиями и овладевают этими новыми навыками в результате общения (Kairzhanov, et al., 2020). Такой процесс аккультурации воспринимается и как метод, когда появляются новые приобретенные коммуникативные способности в структуре новой для них культуре.

Кроме того, мы используем некоторые приемы герменевтики для того, чтобы интерпретировать значения в исследуемых солярных и лунарных символах в структуре дискурса в памятниках письменности древнерусского и древнетюркского языков, и определить историческую подоплеку подлинных исторических событий, возникшие между контактирующими этносами. Именно эта историческая подоплека находилась на стыке между смыслом, следующим из внутренней организации дискурса, и референтом, отсылающим к экстралингвистическим факторам (Koselleck, 1997). Однако в этих отношениях возникают новые положения, что необходимо обратить внимание на рефлексию второго уровня относительно обусловленности самого дискурса, например, в контексте эпитафии «Памятника в честь Кюльтегина» как текста исторического описания событий, связанных с определенными носителями сакральных идей (Ricoeur, 2000). При таком подходе у исследователя возникает когнитивная эмпатия, базирующаяся на интеллектуальных процессах, – сравнении, аналогии, позволяющие восстановить реальную картину тех или иных событий. В нашем исследовании мы попытаемся описать историю возникновения исследуемых символов применительно к верованиям восточных славян, сравнивая их с аналогичными верованиями древнетюркского этноса, и определяя их эквивалентные парадигмы в их культуре или их отсутствие.

Результаты и обсуждение

Подробными сведениями о том, как протекали события до 988 г. н.э. на территории евразийских степей, наука, к сожалению, не располагает (Ермаков, Гаврилов, 2010; Языческий пантеон, 2003; Свод... 1994; Толстой, 2003). Об их отношениях сохранились крайне дискретные свидетельства. Кроме того, абберация дальности ушедшего времени затрудняет в некоторой степени возможность раскрыть подлинные события, имевшие место между исследуемыми народами. Поэтому мы подвергаем анализу средневековые письменные источники и используем наработки материалов археологических разысканий. По мере необходимости прибегаем и к приемам интерполяции, которые помогают заполнить некоторые лакуны в процессе сложившейся аккультурации. Мы понимаем, что некоторые обобщения гипотетичны, но, по-видимому, другого пути у нас нет: это объясняется тем, что сохранились отрывочные свидетельства в нарративных источниках, и в связи с этим привлекаем и материалы устного народного творчества.

Попробуем раскрыть подлинные взаимоотношения между древними тюрками и славянами. В традиционной ортодоксальной науке сложилось представление, что в Киевской Руси (исторически Киевский каганат) (Повесть временных лет... 1926) уже в начале X века сложилась система «двоеверия». Однако так ли было на самом деле? Н.И. Толстой и С.М. Толстая, выступая на VIII Международном съезде славистов, утверждали, что здесь уместно вести разговор не о «двоеверии», а о «троеверии»: «Средневековая и традиционная духовная культура у славян состояла из трех генетически различных компонентов: 1) христианства, связанного с церковной догматикой, привнесенного извне из греческой Византии (...); 2) язычества, унаследованного от праславянского периода, исконного для его носителей, и 3) «антихристианства» (...), чаще всего опять-таки язычества, но неславянского происхождения» (Толстой, Толстая, 1978, с. 366–367). Отметим, что первый и третий компоненты проникли в духовную сферу славян в процессе аккультурации.

Рассмотрим более подробно третий компонент «троеверия», который является результатом изменившейся культурной парадигмы разных этнических образований, входивших в состав более крупного суперэтнического объединения в так называемое гуннское, да и в более позднее время.

Предшественниками гуннов были хунну (лат. *hunni*, согд. *hwn*, кит. *сюнну*) – это была степная родовая империя, состоявшаяся из 24 родов (220 г. до н.э. по II в. н.э.), которая активно вела войну против империи Хань (Ramstedt, 1937; Pritsak, 1959). Вначале II в. н.э. единое этническое поле хунну раскололось на две части: северные и южные хунну. Именно в это время северные хунну вынуждены были спастись от беспощадной орды сяньби (древних монголов). Их вождь, Таншихай с северо-востока, а с юга южные хунну (кстати, последние воевали с северными хунну на стороне поднебесной империи) нанесли поражение северянам. Мы считаем, что южные хунну не устояли перед обаянием китайской цивилизации, переняв у нее многое: произошел ментальный сдвиг, изменился, прежде всего, поведенческий стереотип и качественный быт человека. Северные хунну, пытавшиеся сохранить кочевническую культуру предков в первозданном виде, за три года, ведя кровопролитные арьергардные бои, преодолели более 3-х тысяч километров и оказались на западных склонах Алтая, позже – на юге Урала. На западных отрогах Алтая и в Минусинской котловине обитали кипчаки (китайцы их называли «динлинами»). Это были европеоиды особого кыпчакского ствола. На северо-западе современного Казахстана и на южных отрогах Урала обитали финно-угры (или угры-финны). Это были широколицые монголоиды. В этих условиях начался активный процесс метисации и ассимиляции. Новая популяция вышла на историческую арену во второй половине IV века н.э. (370 г.), когда зимой они сумели перейти реку Ра (Пьянков, 1997) и оказались в Восточной Европе. Они стали известны в исторической науке благодаря готскому историку Иордану и лангобардскому историку Павлу Диакону (Сказания Приска Панийского, 1861; *Diaconus Paulus*, 1858). Этноним «гунны» был введен в 1926 году К.А. Иностранцевым для различения азиатских и европейских хунну (см.: Гумилев, 1998). В сочинениях историка и дипломата Приска Панийского упоминается гунны под именем «унны» (Сказания Приска Панийского, 1861). Гунны сумели создать мощную конфедерацию племенных союзов – «эль», разгромив аланов, позже, герулов, бургундов, готов, оказались в Центральной Европе. Анализ нарративных источников позволяет нам утверждать, что в состав этой конфедерации вошли не только остготы, но и многочисленное славянское племя анты. По-видимому, с этого времени идет отсчет времени прямого и длительного контакта этих народов, а может быть и еще раньше, когда анты на рубеже двух эр находились на своей «первой» прародине в западных отрогах Тянь-Шаня (Гумилев, 1998), то есть сложились «первые» благоприятные условия для длительных и постоянных аккультурационных процессов.

Наряду с этими историческими явлениями были и другие условия - природные процессы биосферы, обозначенными В.И. Вернадским и Л.Н. Гумилевым как «пассионарная» энергия (Вернадский, 1965; Гумилев, 2001). Кроме того, необходимо было учесть и следующие существенные обстоятельства, связанными с различными природными факторами и социальным устройством древних кочевников: 1) образованием орды (лат. *ordus* – «порядок») – института раннефеодальной военнo-демократической организации; 2) изменившийся ландшафт диктовал свои жесткие

условия для успешного ведения экстенсивного кочевого скотоводства (возникали трудности с «тебенёвкой»). Именно в это время в течение 1–2 вв. н.э. в Евразийских степях наступила Великая засуха из-за резкого перемещения атлантических циклонов далеко на север. Перед ними стояла дилемма: обречь себя в этих условиях на жалкое существование и смерть либо продвигнуться на Запад, чтобы выжить, а это было возможно, если победить сильных соседей и взять их земли силой оружия. Они выбрали второй путь (Гумилев, 1998). Этот путь оказался успешным, благодаря третьему компоненту – жесткой военной организации и вероисповеданию – тенгрианству, которое стало цементирующим фактором объединения многих этносов в одну суперэтническую целостность.

Давайте попробуем проследить пути аккультурации в сложившихся условиях, затем и в постгуннскую эпоху. Археологическими исследованиями установлено, что аборигены Южной Сибири приносили человеческие жертвы духам предков. А.П. Окладников приходит к следующему знаменательному выводу, что в глазковскую эпоху появился новый похоронный обряд, обусловленный идеей о существовании потустороннего мира, в который ведет река мертвых и в результате произошла замена старой обрядности на совершенно новый ритуал (Окладников, 1955, с.328). Исходя из анализа археологических материалов, мы считаем, что здесь лунная религия уступила свое место солнечному культу. Однако эта смена не означает аннигиляции старой сакральности, наоборот, возникла, по нашему мнению, новая дуалистическая система: *Тенгри (Голубое Небо) – отец – добро и Умай (Земля) – мать – смерть*. Мы считаем, что эта дуалистическая система сохранилась в последующих культурах славянских и тюркоязычных народов в качестве рудиментов, что отражается, прежде всего, в зеркале языка (Сперанский, 2006). Например, обнаруживаем эти рудименты в языке древних тюрков и кыпчаков (половцев, куманов) (Radloff, 1887; Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2006). В Енисейских рунических памятниках письменности обнаруживаем высокую частотность следующей паремии: «Älim qanım sizä bökmädim, **kün-aï** ölürtim (Второй памятник из Кызыл-Чира) – *«Мое государство и мой хан, я вами не наслаждался, я не стал ощущать солнце и луну, увы!»* (Малов, 1952).

Отметим, что «солнце» как символ Тенгри обозначался при помощи «дисков» и «колец» с изображением точки в центре. Подобные изображения обнаружены в результате археологических работ в разных местах Евразии. Например, на территории Южной Сибири найдены многочисленные наскальные надписи с древнетюркскими рунами (Васильев, 2013). Сравните, например: надписи на костяных накладках лука, обнаруженные во время раскопок могилы недалеко у реки Усть-Оба. Эти надписи поясняют идеограмму солярного символа, выполняющую функцию оберега воина: «eg atı (...): ilän jalñus Täñ(ri) – Господствуй (...), единственное Небо (Täñri)» (Васильев, 2013, с.242). Этот символ Тенгри по своему содержанию является эквивалентной шумерской клинописи [UD], обозначающей «яркий; белый; восходящее солнце» (Гудава, с.20). Так, крестом и кругом древние обитатели Алтая (Минусинской котловины) изображали вечное движение, они являли собой солярные символы «Бога-Солнца», которые в дальнейшей эволюции превратились в символ Тенгри. Круг, круг с точкой в середине или изображения креста ставились на оружиях или высекались на скалах. Они являлись, во-первых, составными элементами оберегов того или иного тюркского племени, рода, во-вторых, это были

тамги определенного тюркского рода, которые выбивались на камнях в меридианном направлении и несли только possessивную семантику. Многие из них являются тамгой некоторых кыпчакских родов, которые оставили заметный след в истории Великой степи (Клёсов, Пензев, 2015).

Тенгри приносили в жертву белого оленя (или белого коня в оленьей маске), чтобы половая потенция жертвенного животного перешла верховному божеству, обладающему мощной космической энергией. Ведь опоздавшему с жертвоприношением сообществу Тенгри насылает на Землю (Умай) засуху, голод и смерть. Свидетельства об этой солярной религии мы обнаруживаем у Геродота, который указывал, что «Из богов [скифы (последние исследования показывают, что гипотеза В.И. Абаева не выдерживает критики, на самом деле этноним «скифы» вбирает в себя не только ираноязычные этносы, но и другие народы, в том числе и прототюркские племена (Аманжолов, 1959))] чтят только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное» (Геродот, 2003). Мы считаем, что подлинный смысл, конечно, в другом. Приносят в жертву не любую лошадь, а белого жеребца, так как Солнце – это не просто дневное светило, а Бог-Тенгри, по-славянски – Белобог, дающий жизнь, это его суть. Он податель жизни, обладающий космической потенцией для этого. Сравните значение рунической лексемы *sīq* ('оплодотворяющий самец') (олень, белый жеребец), иссеченной на поверхности костяной бляшки (курган вблизи села Бобровое Восточно-Казахстанской области). Вероятно, уже в позднюю прототюркскую эпоху жертвенный белый Олень был заменён на белого коня-производителя. Ареал распространения ираноязычных, славянских и тюркских скифов можно представить следующим образом: северное нагорье современного Ирана, бассейн рек Окса и Яксарта, Притяньшанье, Памир и Алтай, Северное Причерноморье и Крым.

Следы общей сакральности древних тюрков и других народов обнаруживаем в Минусинской котловине Алтая. Это древнейшие наскальные рисунки и рунические к ним надписи (Васильев, 2013). Некоторые одиночные надписи датируются первым тысячелетием до н.э. Мы предлагаем свое прочтение одной рунической надписи и сцены облавной охоты на одном камне с синеватым отливом: сцена охоты на оленей, где два всадника с обеих сторон окружают кольцом четырех оленей. На переднем плане изображена смертельно раненая стрелой олениха, другая поражена копьем. Двум оленям самцам удается прорвать кольцо окружения, они мчатся по дороге и, по-видимому, угодят в расставленные сети и будут преданы в жертву Богу-Солнцу. Обратите внимание на руническую надпись к этой сцене:

ГОНМІУ◇

Транскрипция с транслитерацией: [m^h sīq j^ol] (перевод авторов).

Эта надпись нами исследована, и мы ее относим к рубежу двух эр. Она демонстрирует нам, что в это время язык одного из пратюркских диалектов мог находиться на инкорпорирующем уровне своей эволюции. Об этом свидетельствует буквальный перевод этой надписи: «Бег + олень + дорога», что означает «Бегущие олени по дороге» (Васильев, 2013; Каиржанов, 2018).

Перманентная борьба и поочередная победа светлых и темных сил природы наиболее зримо отражается в древнейших представлениях славян о круговороте времен года. Сравните, например, тюркскую печать «Баба-Аты», по окружности

которой изображены 12 животных, служащих символами двенадцатилетнего цикла. Бога-Солнце славяне называли Купала, Ярило и Кострома (Кирчук, 2005). В день весеннего равноденствия водили хоровод, имитируя круговое движение Солнца. При археологических раскопках найдены и идентифицированы сосуды, использовавшиеся для обрядов, проводившихся у родников и связанных с богиней-девой, покровительницей плодородия. Сравните, древнетюркское женское плодородное начало – богиню Умай, символизирующая плодородие и тем самым вобравшая в себя концепт «биосферы».

Рудименты солярного символа обнаруживаем и в произведениях древнерусской литературы. Например, в «Слово о полку Игореве», где повествуется о затмении Солнца (Повесть временных лет, 1926). Мы также можем сравнить те места из «Памятника в честь Кюль-тегина», где Тенгри и Умай отказывают в помощи тюркским воинам, погрязшим в бесконечных междоусобных войнах (Каиржанов, 2018).

Сложно установить в какое время восточные славяне стали обозначать солярные божества именами **Дажьбогъ и Хорсь** (Толстой, 2003). На наш взгляд, Ф.Е. Корш и А.Л. Погодин были близки к истине в определении происхождения имени Дажьбогъ. Как известно, членами гуннской конфедерации были гунны, остготы, анты, поэтому мы считаем, что заимствование этого имени славянами произошло следующим образом. Ф.Е. Корш и А.Л. Погодин выводили первую часть этого слова из древнегерманского **dags* ('день') (см.: Корш, 1909). Сравните ирано-арийскую праформу **dāhas* ('пожар, жара'). Мы считаем, что первая часть этого слова является славянской семантической калькой с древнетюркской лексемы **Тенгри** (буквально обозначает 'дневное светило'), которая, в свою очередь, эквиполентна по форме и по содержанию шумерскому слову *Dingir*. В шумерском есть слово [𒌒 AN] 'небо, небеса; бог AN' (Гудава, с.10), по-видимому, в древнетюркской мифологии Тенгри объявлялось верховным божеством «Голубое Небо», то есть возникло совмещение солярного символа и свода небесного вообще. Однако М. Фасмер, И.Н. Данилевский, Вяч. Иванов и В.Н. Топоров склоняются к тому, что первая часть этого слова произошла из древнерусского повелительного наклонения глагола «дай» + богъ ('счастье, благосостояние') (Фасмер, 1967, с.482; Данилевский, 1998, с.169–170 и др.). Однако мнения вышеуказанных ученых, к сожалению, не убеждают нас по одной простой причине – германоязычное *dag-* в славянских языках дало **дажь**, что стало основой для образования этого имени (палатализация заднеязычного перед кратким гласным переднего образования). Мы считаем, что слово *Белобог* (Гаврилов, 2002) образовано благодаря семантическому калькированию слова *dag-*, которое, в свою очередь, через ирано-тюркское посредство образовано от шумерского термина: [𒌒 UTU (UD), DINGIR] 'солнце; свет; день; время; погода; шторм, буря (демон), солнце как божество' (Labat, Malbran-Labat, 1948; Kairzhanov, 2017). Поэтому *Белобог* и *Дажьбогъ* находятся в одном синонимическом ряду.

В представлениях древних людей человек осмысливался как потомок Солнца (Тенгри, «внуки Дажьбога»). Эта сакральная идея возникла еще в древнейшую эпоху, а затем она перешла к гуннам, тюркоязычным народам, славянам, остготам и др. Ведь в мифологии древних тюрков и славян люди появились в результате союза Солнца (Тенгри, Дажьбога) и Земли (Умай у древних тюрков, мать-сыра земля и богиня-дева у славян) (Топорков, 1984). Итак, языческие божества как и у древ-

них тюркоязычных народов, так и у славян обладали одной глобальной сутью и не могли иметь еще что-либо. Поэтому попытки этимологизирования этого имени, даже возводящие его к «Ригведе», сомнительны, потому что ведийские тексты были созданы тогда, когда долина Инда была уже захвачена воинственными арийскими кочевыми племенами. Аборигены долины Инда вынуждены были бежать к берегам Ганга, а пришельцы заложили ту основу, на которой и возникла сложная разветвленная ведийская сакральная доктрина. В доарийской цивилизации долины Инда была письменность, но, к сожалению, до сих пор их надписи на глиняных табличках и на цилиндрических печатях не дешифрованы (Варга Домокош, 1985).

Теперь, что касается славянского солярного символа Хорсь. Известно, что Хорсь (Хърсь) впервые упоминается в «Повести временных лет» ок. 980 г. Это божество было введено Никоном, который узнал о нем в Тмутаракани. В древнерусской традиции Хорсь стоит рядом с Дажьбогом. Мы считаем, что он связан не с солнцем, а с луной. Об этом свидетельствует отрывок из «Повести временных лет», где повествуется о князе Всеславе, который «(...) самъ въ ночь влькомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влькомъ путь прерыскаше» (Повесть временных лет, 1926).

Некоторые современные исследователи продолжают в этом вопросе традицию Вяч. Иванова и В.Н. Топорова (Иванов, Топоров, 1990). Так, И.Н. Данилевский считает, что Хорсь был сугубо природным, солнечным божеством, притом явно неславянского происхождения (Данилевский, 1998). Однако Хорсь восходит к арийской основе и означает 'сияющую луну', но не солнце. Мы, используя метод палиндрома, восстановили эволюцию этого слова: $\circ > \text{st-r}$ (иероглиф Изиды) $> *st-'or > 'or-st$ (придыхательная гласная [‘o] в русском дало [h]) $> hor-st$, в русском языке hors (kros) обозначает 'крест'. Однако сравните древнетюркские надписи из Монгольского Алтая «Бага-Ойгор» обнаружены в 1995 году совместной российско-монгольско-американской экспедицией у истоков реки Кобдо: (приведем третью строку) «(e)š(i)t (a)j b(i)š(...) – услышь, месяц (луна)» (Васильев, 2013, с.228).

Это солярный символ луны, который восточные славяне заимствуют через арийское посредство у древних кочевников Великой Степи. Древние тюркоязычные народы, в свою очередь, заимствовали его у древних ирано-арийских племен путем семантического калькирования лексемы *xuršēt* ('сияющее солнце'). Сравните, например, параллель в шумерском языке, так, корневая морфема [𒌦𒀭 AR] обозначает 'светить; сиять' (Гудава, с.11). Итак, к евразийским арийским племенам эта идея, возможно, проникла из Древней Месопотамии. Вероятно, что в древности эту лексему использовали для обозначения лунного божества. Это было божество духов предков, которое впоследствии было смещено у древних тюрков богом Тенгри, а у славян Белобогом (Дажьбогом). Однако сочетание луны с солнцем сохранилось в Енисейских рунических памятниках письменности в устойчивом и высокоидиоматичном сочетании: *kün aī kōr* ('видеть солнце и луну', то есть 'жить'), либо 'не видеть солнце и луну', то есть 'умереть'.

Итак, нами были выявлены аккультурационные изменения в парадигме культуры между древними тюрками и восточными славянами, когда эти народы не были еще подвергнуты влиянием ни христианства, ни ислама. Мы попытались реконструировать исконные языческие верования, описывая солярные и лунарные божества, эксцерпируя их из письменных памятников и привлекая археологиче-

ские данные обоих суперэтнических образований. Мы проанализировали так называемый третий компонент: «троеверие», который сформировал «новый баланс» в результате ментального сдвига у контактирующих народов в структуре суперэтнического объединения. И в результате появилась эквиполентная мифологическая парадигма, что отражается в обозначении солярных и лунарных символов.

Таким образом, исследуя сакральные символы в тюркской и славянской мифологии, учитывая при этом лингвистические закономерности и экстралингвистические факторы, мы получили следующие результаты:

1. Аккультурационные процессы между исследуемыми народами возникли, с одной стороны, во время великого переселения народов на рубеже двух эр, с другой, в эпоху раннего и позднего Средневековья, что создало благоприятные или нейтральные (потребительские) условия для постоянного и длительного контакта.

2. В результате этого процесса появились условия для возникновения аккультурационной ориентации, когда древнетюркские мифологические представления стали свободно проникать в славянскую среду вначале под влиянием диффузии, а затем некоторые из этих представлений были освоены в результате процесса дисперсии. В то же время и славянские мифологемы также свободно усваивались представителями тюркских этносов. Однако исконные этнические ценности у обоих этносов не претерпели существенных трансформаций.

3. Результатом длительного аккультурационного процесса стала, оформившаяся эквиполентная мифологическая парадигма: «Небо (Täŋri, Сварогъ), Солнце (Kün-Aı, Белобог (Дажьбогъ), Хорсъ) – Земля (Umai, Ār-Sub, Мать – сыра земля) – смерть (Эрклиг, Чернобог)».

Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующему заключению.

1. В течение длительного времени происходили продолжительные и постоянные контакты между древними тюрками и славянами. Для этого контакта возникали определенная положительная, либо нейтральная комплементарность, то есть создавались невраждебные условия для взаимодействия, что создавало определенные условия для аккультурационной ориентации. В конечном итоге появлялись эквиполентные аккультурационные результаты этого взаимодействия, определяющиеся в сдвиге некоторых парадигм культуры обоих этносов. Так, тенгрианство мифологического сознания проявило себя в различных образах: в мифологеме союза Неба и Земли. У древних славян Небо (Бог-Солнце) – это Белобог (Дажьбог), у древних тюркоязычных народов – Тенгри. Славянская «Мать-сыра земля» и тюркская Умай являлись в качестве женского плодоносящего начала, и эта Земля орошалась идущим от Тенгри (Белобога (Дажьбога)) дождем, и это явление воспринималось как акт переноса космической потенции верховного божества в производящее лоно Земли, за которым последует и жизнь, и смерть. Это сознание, на наш взгляд, демонстрировало, с одной стороны, антропоморфное единство природы и человека, находящегося в течение длительного времени во власти синкретического общественного мифологического сознания, с другой, в отношениях людей формировались такие изоморфные отношения, которые сплачивали племена в мощные союзы (эль), и позже, создавались великие конфедерации племенных союзов. Об-

разовавшаяся целостность на суперэтническом уровне, оформившись с помощью этой сакральности, пыталась решать, прежде всего, прагматические задачи: выход на историческую арену, расширяя ареал своего обитания. Поэтому поклонение Богу-Солнцу не только осмыслялось как источник энергии и жизни, но и в первую очередь приобретало великий мировоззренческий и прагматический смысл.

2. Результаты тысячелетней аккультурации, имевшее место между славянами и тюркоязычными народами, демонстрируют нам, что мировоззренческие парадигмы у них были эквиполентными (близкими, но имели определенные различия). Это продолжалось до тех пор, пока не произошло резкого поворота в их судьбах и истории – ориентация на новые сакральные системы, которая началась с 988 г. при Владимире I. При смене мировоззренческих парадигм отношения между исследуемыми народами в определенной степени стали оппозитивными. Это определялось тем, что в течение длительного времени тюркские этносы оставались в структуре тенгризма, а у восточных славян сформировалось троеверие, только рудименты язычества отражают эквиполентность в мироощущениях между исследуемыми народами.

3. Методы и приемы аккультурации в перспективе эффективны для исследования других проблем культур в процессе длительного и постоянного контакта этносов.

Список использованной литературы

- Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. 1. Алма-Ата, 1959.
- Боас Ф. Ум первобытного человека / Перевод с англ. Москва, 1926.
- Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии / Пер. Ю.С. Терентьева // Антология исследований культуры. Санкт-Петербург, 1997. Т.1. С. 509–527.
- Варга Домокош. Древний Восток: у начал истории письменности / Перевод с венгер. Будапешт, 1985.
- Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч.1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. Астана, 2013. 268 с.
- Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. Москва, 1965. С.283–285.
- Гаврилов Д. Белобог против Чернобога. Один против Одина // Мифы и магия индоевропейцев. Москва, 2002. Вып.10. С.23–35.
- Геродот. Страна скифов. Алматы: «Кочевники», 2003.
- Гудава Т. До и после Библии. Шумеро-русский словарь. 244 с. URL: <http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html> (дата обращения 22.09.2023).
- Гумилев Л.Н. История народа хунну / Сост. и общ. ред. А.И. Куркчи: в 2-х книгах. М., 1998.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Москва, 2001. 560 с.
- Данилевский И.Н. Языческие традиции и христианство в Древней Руси. 1998. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/okkultizm/Article/dan_jaztrad.php (дата обращения 12.08.2023).
- Ермаков С. Э., Гаврилов Д. А. Ключи к исконному мировоззрению славян. Архетипы мифологического мышления. Москва: Ганга, 2010. 256 с.
- Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников. Астана, 2006. 360 с.
- Иванов Вяч., Топоров В.Н. Дажьбог // Мифологический словарь. Москва, 1990. С.169–170.

- Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступит. статья, пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб., 1997.
- Каиржанов А. Лингвистическая методология. Астана, 2018. 112 с.
- Каиржанов А.К. Долгий путь познания древнетюркской литературы // *Palaeoturcica: Знак и семантика. Миф и культура*. Ростов-на-Дону, 2018. С.217–223.
- Кирчук И.И. Ярила-Купала. Минск, 2005.
- Клёсов А.А., Пензев К.А. Арийские народы на просторах Евразии. Москва: Книжный мир, 2015. 352 с.
- Корш Ф.Е. Слово о полку Игореве. Санкт-Петербург, 1909.
- Левин Ив. Двоеверие и народная религия в истории России / Перевод с англ. А.Л. Топоркова. Москва, 2004.
- Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры: материалы к курсу теории литературы. Вып. 1. Тарту, 1970.
- Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. Москва–Ленинград, 1952.
- Мид М. Культура и мир детства / Перевод с англ. Москва, 1988.
- Невская И.А., Тажибаева С.Ж. Современная тюркология и международное сотрудничество на Евразийском пространстве // *Global-Turk. International Journal for Information and Analytics*. *Turkic Academy*, 2014, №1. P.19–34.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч.III. Москва–Ленинград, 1955.
- Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Москва–Ленинград, 1926.
- Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. Москва, 1997.
- Свод древнейших письменных известий о славянах / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. Москва, 1994. Т.1–2.
- Сказания Приска Панийского / Пер. С. Дестуниса // *Ученые Записки Второго Отделения Императорской Академии наук*. Кн.VIII. Вып.1. Санкт-Петербург, 1861.
- Сперанский Н.Н. Русское язычество и шаманизм. Москва, 2006. 608 с.
- Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. Изд. 7-е. Москва, 2009. 312 с.
- Су бей Хай. Синьцзянь яньхуа (Петроглифы Синьцзяна)/ на китайском яз. Урумчи, 1994.
- Толстой Н.И., Толстая С.М. К реконструкции древнеславянской духовной культуры: (лингвоэтнографический аспект) // *Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов*. Загреб-Любляна, сентябрь 1978 г. Москва, 1978. С. 364–385.
- Толстой Н.И. Язычество древних славян // Толстой Н.И. *Очерки славянского язычества*. Москва: Индрик, 2003.
- Топорков А.Л. Материалы по славянскому язычеству (культ матери – сырой земли в дер. Присно) // *Древнерусская литература: источниковедение*. Ленинград, 1984.
- Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Москва, 1982. 245 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1. Москва, 1967.
- Языческий пантеон. Москва: Эксмо, 2003. 432 с.
- Berry J.W. et al. *Cross-cultural psychology: Research and applications*. Cambridge, 1992.
- Berry J.W. *Immigration, acculturation and adaptation // Applied psychology: An international review*. 1997. Vol. 46. P.5–34.
- Diaconus Paulus. *Historia gentis Langobardorum, ... saec.6–9. Hannoverae*, 1878.
- Herskovits M.J. *Les bases de l'anthropologie culturelle*. Paris, 1967.
- Kairzhanov A. *Palaeoturcica: Sign and Semantics. Myth and Culture*. Kiev, 2017. 180 p.

- Kairzhanov A., et al. The synergistic justification of the Language system versus Aristotle's scientific picture // *Opcion. Año 36. Especial. №27. 2020. P. 1307-1323.*
- Koselleck R. *L'expérience de l'histoire.* Paris, 1997.
- Labat R., Malbran-Labat F. *Manuel D'épigraphie Akkadienne (Signes, Syllabaire, Idéogrammes).* Paris, 1948 (рукопись). 348 листов.
- Obolensky D.D. *The Byzantine Inheritance of Eastern Europe.* London, 1982.
- Pritsak O. XUN. *Der Volksname der Hsiung-nu // Central Asiatic Journal. 1959. №5. P.27–34.*
- Radloff W. *Codex Comanicus.* St.-Petersbourg – Riga – Leipzig, 1887. 130 p.
- Ramstedt M.G. *Über der Ursprung der Turkischen Sprache.* Helsinki, 1937. P.81–91.
- Richards I.A. *The Philosophy of Rhetoric.* New York, Oxford University Press, 1950. Vol. V, VI.
- Ricoeur P. *La memoire, l'histoire, l'oubli.* Paris, 2000.

References

- Amanzholov, S.A. (1959). *Voprosy dialektologii i istorii kazakhskogo yazyka* [Issues of dialectology and history of the Kazakh language]. Ch. 1. Alma-Ata. (in Russ.)
- Berry, J.W. et al. (1992). *Cross-cultural psychology: Research and applications.* Cambridge.
- Berry, J.W. (1997). Immigration, acculturation and adaptation. *Applied psychology: An international review* 46, 5–34.
- Boas, F. (1926). *Um pervobytnogo cheloveka* [The Mind of Primitive Man]. Pervod s angl. Moskva. (in Russ.)
- Boas, F. (1997). Granitsy sravnitel'nogo metoda v antropologii [Boundaries of the comparative method in anthropology]. Per. Yu.S. Terent'yeva. In *Antologiya issledovaniy kul'tury.* Sankt-Peterburg. Vol.1. P. 509–527. (in Russ.)
- Fasmer, M. (1967). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. T.1. Moskva. (in Russ.)
- Danilevskiy, I.N. (1998). *Yazycheskiye traditsii i khristianstvo v Drevney Rusi* [Pagan traditions and Christianity in Ancient Rus']. Retrieved from https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/okkultizm/Article/dan_jaztrad.php (data obrashcheniya 12.08.2023). (in Russ.)
- Diaconus Paulus (1878). *Historia gentis Langobardorum, ... saec.6–9.* Hannoverae.
- Herskovits, M.J. (1967). *Les bases de l'anthropologie culturelle.* Paris. (in Fren.)
- Gavrilov, D. (2002). Belobog protiv Chernoboga. Odin protiv [Odina Belobog vs. Chernobog. One against Odin]. In *Mify i magiya indoyevropeytsev.* Moskva. Vyp.10. S.23–35. (in Russ.)
- Herodot (2003). *Strana skifov* [Country of the Scythians]. Almaty: izd. dom «Kochevniki». (in Russ.)
- Gudava, T. *Do i posle Biblii. Shumero-russkiy slovar'.* [Before and after the Bible. Sumerian-Russian dictionary]. 244 s. Retrieved 03 November 2023 from <http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html> (in Russ.)
- Gumilev, L.N. (1998). *Istoriya naroda khunnu* [History of the Xiongnu people]. Sost. i red. A.I. Kurkchi: v 2-kh knigakh. Moskva. (in Russ.)
- Gumilev, L.N. (2001). *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. Moskva. (in Russ.)
- Ivanov, Vyach. & V.N. Toporov (1990). Dazh'bog [Dazh'bog]. In *Mifologicheskij slovar'.* Moskva. P.169–170. (in Russ.)
- Iordan. (1997). *O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov* [About the origin and deeds of the Getae]. Vstupit. stat'ya, per., komment. Ye.Ch. Skrzhinskoy. SPb. (in Russ.)
- Kairzhanov, A. (2018). *Lingvisticheskaya metodologiya* [Linguistic methodology]. Astana. (in Russ.)

- Kairzhanov, A.K. (2018). Dolgiy put' poznaniya drevnetyurkskoy literatury [A long path to knowledge of ancient Turkic literature]. In *Palaeoturcica: Znak i semantika. Mif i kul'tura*. Rostov-na-Donu. P.217–223. (in Russ.)
- Kairzhanov, A. (2017). *Palaeoturcica: Sign and Semantics. Myth and Culture*. Kiev. (in Russ.)
- Kairzhanov, A., et al. (2020). The synergistic justification of the Language system versus Aristotle's scientific picture. *Opcion* 36. Especial 27, 1307-1323.
- Kirchuk, I.I. (2005). *Yarila-Kupala* [Yarila-Kupala]. Minsk. (in Russ.)
- Khay, Cu bey (1994). *Sin'tsyan' yan'khua (Petroglify Sin'tszyana)* [Xinjian yanhua (Petroglyphs of Xinjiang)]. Urumchi. (in Chin.)
- Klosov, A.A. & K.A. Penzev (2015). *Ariyskiye narody na prostorakh Yevrazii* [Aryan peoples in the vastness of Eurasia]. Moskva: Knizhnyy mir. (in Russ.)
- Korsh, F.Ye. (1909). *Slovo o polku Igoreve* [A word about Igor's regiment]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
- Koselleck, R. (1997). *L'expérience de l'histoire*. Paris. (in Fren.)
- Labat, R. & F. Malbran-Labat (1948). *Manuel D'épigraphie Akkadienne (Signes, Syllabaire, Idéogrammes)*. Paris. (in Fren.)
- Levin, Iv. (2004). *Dvoyeveriye i narodnaya religiya v istorii Rossii* [Dual faith and folk religion in the history of Russia]. Perevod s angl. A.L. Toporkova. Moskva. (in Russ.)
- Lotman, Yu.M. (1970). *Stat'i po tipologii kul'tury: materialy k kursu teorii literatury* [Articles on the typology of culture: materials for the course on the theory of literature]. Vyp. 1. Tartu. (in Russ.)
- Malov, S.Ye. (1952). *Yeniseyskaya pis'mennost' tyurkov. Teksty i perevody* [Yenisei written language of the Turks]. Moskva–Leningrad. (in Russ.)
- Mid, M. (1988). *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood]. Perevod s angl. Moskva. (in Russ.)
- Nevskaya, I.A. & S.Zh. Tazhibayeva (2014). *Sovremennaya tyurkologiya i mezhdunarodnoye sotrudnichestvo na Yevraziyskom prostranstve* [Modern Turkology and international cooperation in the Eurasian space]. *Global-Turk. International Journal for Information and Analytics*. Turkic Academy, 1, 19–34. (in Russ.)
- Obolensky, D.D. (1982). *The Byzantine Inheritance of Eastern Europe*. London. (in Russ.)
- Okladnikov, A.P. (1955). *Neolit i bronzovyy vek Pribaykal'ya* [Neolithic and Bronze Age of the Baikal region]. Ch.III. Moskva–Leningrad. (in Russ.)
- Povest' vremennykh let po Lavrent'yevskomu spisku (1926). [The Tale of Bygone Years according to the Laurentian List]. Moskva–Leningrad. (in Russ.)
- Pritsak, O. (1959). XUN. Der Volksname der Hsiung-nu. *Central Asiatic Journal* 5, 27–34. (in Germ.)
- P'yankov, I.V. (1997). *Srednyaya Aziya v antichnoy geograficheskoy traditsii* [Central Asia in the ancient geographical tradition]. Moskva. (in Russ.)
- Radloff, W. (1887). *Codex Comanicus*. St.-Petersburg – Riga – Leipzig.
- Ramstedt, M.G. (1937). *Über der Ursprung der Turkischen Sprache*. Helsinki. (in Germ.)
- Richards, I.A. (1950). *The Philosophy of Rhetoric*. New York, Oxford University Press. Vol. V, VI.
- Ricoeur, P. (2000). *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Paris. (in Fren.)
- Svod drevneyshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh (1994). [Collection of the most ancient written news about the Slavs]. Sost. L.A. Gindin, S.A. Ivanov, G.G. Litavrin. Moskva. T.1–2. (in Russ.)

Skazaniya Priska Paniyskogo (1861). [Tales of Priscus of Panius]. Per. S. Destunisa. *Uchenyye zapiski vtorogo otdeleniya imperatorskoy Akademii Nauk*. Kn. VIII. Vyp.1. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

Speranskiy, N.N. (2006). *Russkoye yazychestvo i shamanism* [Russian paganism and shamanism.]. Moskva. (in Russ.)

Stepanov, Yu.S. (2009). *Metody i printsipy sovremennoy lingvistiki* [Methods and principles of modern linguistics]. Izd. 7-ye. Moskva. (in Russ.)

Tolstoy, N.I. & S.M. Tolstaya (1978). К реконструксии drevneslavyanskoy dukhovnoy kul'tury: (linguoethnograficheskiy aspekt) [oward the reconstruction of ancient Slavic spiritual culture: (linguoethnographic aspect)]. In *Slavyanskoye yazykoznanie: VIII Mezhdunarodnyy s'yezd slavistov*. Zagreb-Lyublyana, sentyabr' 1978 g. Moskva. S. 364–385. (in Russ.)

Tolstoy, N.I. (2003). *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of the ancient Slavs]. Tolstoy N.I. Ocherki slavyanskogo yazychestva. Moskva: Indrik. (in Russ.)

Toporkov, A.L. (1984). Materialy po slavyanskomu yazychestvu (kul't materi – syroy zemli v der. Prisno) [Materials on Slavic paganism (the cult of the mother – the raw earth in the village of Prisno)]. In *Drevnerusskaya literatura: istochnikovedeniye*. Leningrad. (in Russ.)

Uspenskiy, B.A. (1982). *Filologicheskiye razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey* [Philological research in the field of Slavic antiquities]. Moskva. (in Russ.)

Yazycheskiy panteon (2003). [Pagan pantheon]. Moskva: Eksmo. (in Russ.)

Yermakov, S.E. & D.A. Gavrilov (2010). Klyuchi k iskonnomu mirovozzreniyu slavyan. Arkhetipy mifologicheskogo myshleniya [Keys to the original worldview of the Slavs. Archetypes of mythological thinking]. Moskva: Ganga. (in Russ.)

Vasil'yev, D.D. (2013). Korpus tyurkskikh runicheskikh nadpisey Yuzhnoy Sibiri [Corpus of Turkic runic inscriptions of Southern Siberia]. Ch.1. *Drevnetyurkskaya epigrafika Altaya*. Astana. (in Russ.)

Vernadskiy, V.I. (1965). *Khimicheskoye stroyeniye biosfery Zemli i yeye okruzheniya* [Chemical structure of the Earth's biosphere and its environment]. Moscow. P.283–285. (in Russ.)

Zholdasbekov, M. & K. Sartkozhauly (2006). Atlas Orkhonskikh pamyatnikov [Atlas of Orkhon monuments]. Astana. Varga, Domokosh. (1985). *Drevniy Vostok: u nachal istorii pis'mennosti* [Ancient East: at the beginning of the history of writing]. Perevod s venger. Budapesht. (in Russ.)

А.Қ. Қайыржанов

Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан Республикасы

Р.Ө. Түксаитова

С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық университеті, Астана, Қазақстан Республикасы

Г.Ә. Кукенова

С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық университеті, Астана, Қазақстан Республикасы

ЕЖЕЛГІ ТҮРІКТЕР МЕН ШЫҒЫС СЛАВЯНДАР МӘДЕНИЕТІНІҢ ДҮНИЕТАНЫМДЫҚ ПАРАДИГМАЛАРЫ

Аңдатпа. Мақалада екі байланыстағы халықтардың мәдени парадигмасының біршама өзгеруіне әкелген ежелгі славян және түркі этникалық топтарының ұзақ және тұрақты байланысы процесі зерттеледі. Алайда этностардың екі тобында да мәдениеттің терең құндылықтар парадигмалары ұзақ уақыт бойы сақталды. Салыстырмалы аспектіде

бір жағынан, ежелгі заманның баламалы дүниетанымдық идеялары (солярлық, лунарлық және басқа да символдарды білдіретін мифологемалар), ежелгі славян пұтандық құдайларымен, екінші жағынан, ежелгі түріктерге тән мифологиялық құдайлардың ежелгі атауларымен салыстырғанда қаралған. Аккультурация әдістері мен тәсілдерін қолдану нәтижесінде біз екі суперэтникалық топтың да елеулі өзгерістерге және өзгерістерге ұшырамаған мәдениеттерінің түпкілікті құндылықтарын анықтадық. Дүниетанымдағы кейбір мәдени парадигмалар ментальдық деңгейде белгілі бір өзгерістерге ұшырады. Осы үдерістің нәтижесінде байланыста болатын екі этностың да функционалдық бірлігі бұзылды, содан кейін белгілі бір уақыт ішінде жаңа теңгерім орнады, ол ең алдымен екі этностың дүниетанымында көрініс тапты. Салыстырмалы мәдениеттерде кейбір солярлық және лунарлық пиғылды құдайларда баламалы семантикалық ұқсастықтар болды. Біз бұрынғы қарым-қатынастардың кейбір рефлекстері мен рудименттері мәдениеттердің әдет-ғұрыптары мен сенімдерінде сақталғанын анықтадық.

Түінді сөздер: аккультурация, славян және түрік суперэтностары, қос сенім, үштік сенім, солярлық символдар, лунарлық символдар.

A.K. Kairzhanov

ENU named after L.N. Gumilev, Astana, Republic of Kazakhstan

R.O. Tuksaitova

Kazakh Agrotechnical University named after S. Seifullin, Astana, Republic of Kazakhstan

G.A. Kukenova

Kazakh Agrotechnical University named after S. Seifullin, Astana, Republic of Kazakhstan

WORLDVIEW PARADIGM OF THE CULTURE OF THE ANCIENT TURKICS AND EASTERN SLAVS

Abstract. The article explores the process of a long and constant contact between the ancient Slavic and Turkic ethnic group of people, which led to a certain shift in the cultural paradigm of both contacting peoples. However, the underlying value paradigms of culture in both groups of ethnic groups persisted for a long time. The equipollent worldview ideas (mythologemes denoting solar, lunar and other symbols) of the most ancient times are considered in the comparative aspect, on the one hand, in comparison with the original Slavic pagan deities, on the other hand, with the most ancient names of mythological deities inherent in the ancient Turks. As a result of the application of acculturation methods and techniques, we have identified the original values of the cultures of both super-ethnic groups, which have not undergone significant changes and transformations. Some cultural paradigms in the worldview underwent certain shifts at the mental level. As a result of this process there was a breakdown of functional unity in both contacting ethnic groups, then a new balance was established over a period of time, which was reflected, above all, in the worldview of both ethnic groups. There was an equipollent semantic similarity in some solar and lunar pagan deities in the compared cultures. We determined that some reflexes and rudiments of former relations were preserved in the customs and beliefs of cultures.

Key words: acculturation, Slavic and Turkic super-ethnoses, two-faith, three-faith, solar symbols, lunar symbols.

Вклад авторов

Каиржанов А.К. – концептуализация, формальный анализ, методология, написание – обзор и редактирование.

Туксаитова Р.О. – методология, роли/письмо – первоначальный проект, написание.

Кукенова Г.А. – формальный анализ, написание, обзор.